

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ИДЕЯ АНДРОГИНИЗМА КАК КЛЮЧ К НОВОМУ ПОНИМАНИЮ СИНЕРГИЙНОСТИ БОЖЕСТВЕННОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Работа представлена кафедрой философии Курского государственного университета.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. В. Торубарова

В статье исследуется учение об Эросе Д. С. Мережковского. Согласно Мережковскому, пол имманентно и изначально присущ человеку, поскольку является отражением предвечной божественной двуполости, однако в рамках эмпирической действительности жизнь пола исполнена трагических противоречий. Именно человек должен привнести рациональное измерение в структуру мировой гендерности и вернуть божественному творению его изначально чистоту.

Ключевые слова: андрогинизм, пол, двуполость, антиномичность, синергийность.

A. Trubchaninov

D. S. MERZHKOVSKY: ANDROGENIC IDEA AS A KEY FOR NEW COMPREHENSION OF HUMAN AND DIVINE SYN-ERGY

The article explores D. S. Merezhkovsky's doctrine of Eros. According to Merezhkovsky, gender is an intrinsic and defining characteristic of a human being as it reflects the divine bisexuality; however, in empirical reality, actual gender experience is full of tragic contradictions and tensions. It is a human who should introduce a rational dimension and initial purity into the structures of natural sexuality and the divine creature.

Key words: androgynism, gender, bisexuality, antinomy, synergy.

Эпохи критические всегда, так или иначе, сопровождаются революционными изменениями в сфере духа; прежние ценности подвергаются сокрушительному натиску переосмыслений и реинтерпретаций. В этом отношении мир постмодерна – явление совершенно особое. Особое в том смысле, что никогда еще до сих пор не знала история столь явных и ярких экспликаций нового видения и нового понимания мира и в то же время столь радикального отрицания всех прошлых достижений и констант. Грани размываются, и то, что совсем недавно могло показаться диким и нереальным, сегодня становится повседневной реальностью. Не в последнюю очередь это касается феномена гендерной составляющей человеческого существа, где сегодня как никогда наблюдается тотальная онтологическая неопределенность; половая принадлежность уже не расценивается как некая изначально и перманентно неизменная данность; границы пола стираются, смешиваются, и весь мир уже стал похож на гигантскую средневековую

алхимическую лабораторию, но только ищут здесь уже не золото, не философский камень, а *нового человека*. В искусстве, в живописи, в литературе, в музыке (достаточно вспомнить Sopor Aeternus, London After Midnight, Marilyn Manson), в тех или иных молодежных движениях и субкультурах все чаще и настойчивее воспроизводится вековая мечта человечества о совершенном первочеловеке-андрогине.

Одна из характерных особенностей учения Д. С. Мережковского – его всецелая и непоколебимая убежденность в том, что необходимо должна наступить и наступает уже эпоха некоего *«третьего завета»*, суть которого будет состоять в преимущественном действии на земле и осуществлении божественного Промысла третьим лицом Святой Троицы, а именно Духом Святым. Кроме того, действительно *новый*, третий завет должен быть заветом самораскрытия человеком своей *подлинной природы* и своего истинного предназначения в этом мире. Третий завет должен стать эпохой творческого пробуждения

человеческих потенций и свободного, созидательного ответа человека Богу. Интересно отметить в связи с этим, что третье лицо Святой Троицы, Бога Святого Духа, Мережковский мыслит совершенно прямо и однозначно как *женское начало* в контексте божественной реальности. «Семя жены – Спаситель мира. К Сыну от Матери – путь первого человечества. „Мать“, – сказала оно Богу раньше, чем „Отец“. „Матерь моя – Дух Святой“ – это „незаписанное слово“ Господа, *agraphon*, совпадает с евангельским словом в древнейших списках ев. Луки: Ты Сын мой возлюбленный; Я днесь родил Тебя, или по-арамейски, на языке Иисуса, где *Rucha*, „Дух“ женского рода: „Я днесь родила Тебя“. Если Дух есть Мать, то путь второго человечества, нашего, обратен пути первого: уже не от Матери к Сыну, а от Сына к Матери – Духу» [2, с. 386]. Как и многие языческие древние боги-андрогины, единый христианский Бог-Творец, Бог-Троица, по мнению Дмитрия Сергеевича, также оказывается Андрогинном, сочетающим в Себе как мужское начало, так и женское. Удивительна та свобода, с которой Мережковский интерпретирует и видоизменяет устоявшуюся веками христианскую догматику. Однако сам Дмитрий Сергеевич не считает свои выводы и теоретические построения еретическими, он старательно пытается оправдать их и доказать их своеобразное право на каноничность, их причастность единой и неизменной правде бытия: «В самых древних, микенских слоях Трои, найдены глиняные амфоры с едва обозначенными красными точками, женским обликом, должно быть, здешней богини Матери, Кибелы фриго-хеттейской: два глаза, два сосца и на круглой выпуклости, чреве сосуда, знак женского пола, кружок с угольчатым крестиком, свастикой. Крест и пол, это соединение кощунственно для нас, но не для Церкви. „Ложесна Твои престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела“, – поется в акафисте Пречистой Деве» [2, с. 389], – соотносит Дмитрий Сергеевич тексты церковных песнопений и их мистическое содержание с мистикой праисторической древности, объединяя их в единое целое, имеющее один общий исток, что действительно похоже на некоторую

правду. Мережковский не идет против Христа, ни на миг не сомневается он в божественном происхождении Спасителя, много раз повторяет, что нет никого прекраснее, величественнее, чем Он: «Иисус, действительно, прекраснее всего в мире и самого мира. Когда Он появился, то, как солнце, затмил Собою звезды». Чем же красота Его больше всех красот мира? Тем, что она ни мужская, ни женская, но «сочетание мужского и женского в прекраснейшую гармонию». «Я победил мир», – мог сказать только совершенный муж. Но глядя на Сына, нельзя не вспомнить о Матери: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, тебя питавшие!» Он в Ней – Она в Нем; вечная Женственность в Мужественности вечной: Два – Одно» [2, с. 384]. И вывод, к которому подводит нас Мережковский, предельно прост: совершенное, божественное всегда и во все времена означает «двуполое», *двуединое*.

Двуполость, как полагает Мережковский, представляет собой имманентно присущую всякому бытию божественную в основе своей, но изначально хаотическую и бессознательную полярность, предопределяющую его дальнейшее развитие и всякую деятельность: «То, что нам кажется материей, есть взаимодействие непротяженных точек – электронов, заряженных полярными силами, как бы мужское, деятельное, – отталкивания и как бы женское, страдательное, – притяжения. Эта первичная двуполость Материи, хотя и отражает двуполость божественную – Отца и Духа-Матери, – как черная вода колодца отражает и днем звездное небо, – сама в себе остается демоничною, буйною, все вокруг себя и себя самое разрушающею силою – неразрешимейшим в глубинах Пола сгустком Хаоса» [2, с. 340], – пишет он. Здесь антиномия. Оказывается, что изначально божественное, чистое начало природных стихий может быть в то же самое время демоническим и темным в силу причастности этого мира греховной интоксикации первородного греха. Это означает, что именно человек как выразитель свободного и творческого начала в континууме мирового пространства должен привнести рациональное измерение в структуру мировой гендерности и тем осуществить необходимый переход на

качественно новую ступень, если можно так сказать, эволюции космического пола, – эволюции от демонической бессознательности хаоса к божественному разуму и космической гармонии – разрушить, упразднить укоренившуюся повсеместно гендерную дезинтеграцию и вернуть божественному творению его изначальную чистоту.

«„Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как я возлюбил вас“. Заповедь *только* братской любви – не новая, а древняя, Моисеева: „Люби ближнего твоего, как самого себя“. Так и поняли, и, вот уже две тысячи лет, так понимают все, кроме святых; поняли и позабыли слишком древнюю, „ветхую“ заповедь. Но если бы св. Климент Александрийский, уже христианин, мог вспомнить, почувствовать себя снова „аттисианином“, поклонником Аттиса, каким был в юности, то, может быть, понял бы, что заповедь эта, в самом деле „новая“, связанная с тем, тоже новым и страшным, евангельским словом о скопцах, самих себя сделавших скопцами ради Царствия Небесного, – о явно-ледяном для безумных „скопчестве“, тайно-огненном для мудрых девстве братски брачной любви» [2, с. 335–336], – переходит русский символист к анализу евангельских текстов, раскрывая по-прежнему одну и ту же мысль – наличие в каждом человеке двух имманентно присущих ему полюсов единого, но двойственного в себе самом космического пола. И действительно, стоит задуматься: что же было на самом деле действительно *нового* в новой заповеди Христа? Что это за *новая* любовь? Почему Мережковский считает, что она имеет какую-то связь со словом Господа о скопцах? Ответ на самом деле прост: с точки зрения Мережковского, именно здесь берет свое начало еще одна важная, базисная *антиномия пола*. «Самоубийство пола – самооскопление. <...> Всегда, везде, во всех веках и народах, от начала мира до конца, именно здесь, в поле – рождении – смерти – утоляющем жажду „дурной бесконечности“, и разгорается неутолимая жажда конца» [2, с. 354]. Это означает, что *новая*, подлинная любовь являет собой действительно нечто радикально новое и качественно отличное от всего уже известного и изведенного челове-

чеством. Новая любовь потому, как полагает Мережковский, связана с «самоубийством пола – с самооскоплением», что необходимо заключает в себе самоотрицание пола в том его виде и выражении, какое он имеет сейчас, *преодоление пола* и выход на совершенно иной уровень гендерного существования человека. Вслед за Бердяевым Мережковский вновь настойчиво повторяет, что необходимо радикальнейшее изменение полового сознания и изменение самой сущности и, соответственно, значения половой составляющей в человеке. Мережковский как никто другой чувствует тот религиозный базис, без которого невозможно такое изменение, и этот базис неминуемо приводит-возвращает нас к соприкосновению с христианством.

«Что же значит евангельское слово о скопцах, сделавших себя скопцами ради Царствия Небесного? – продолжает вопрошать Мережковский. – Почему оно сказано между благословением брака: “Будут два одною плотью” и благословением детей: “Их есть Царство Небесное”? Будь в Евангелии только одно из этих двух слов – или о браке, или о девстве-скопчестве, – все было бы понятно и просто. Но вот, их два – о поле и противополо, эросе и антэросе, как бы вечное „нет“ земной любви – вечное „да“ любви небесной; антиномия и здесь, как везде в Логосе-космосе: „противное – согласное“. Если бы центр был один, можно бы замкнуть круг земной бесконечности; но вот, их два, и круг земной разорван – начата неземная парабола» [2, с. 360]. И парабола эта берет свое начало, следуя логике развития мысли Дмитрия Сергеевича, в праисторической древности Востока: «Крест на Востоке древнейший ... найден здесь же, на Крите, в Кносском дворце. Имя дворца „Лабиринт“ значит „Дом Лабриса“, „Двуострой секиры“, labyrinthos-labris. <...> Тут же, в Кноссе, найден греческий статир, кажется, с очень древним изображением лабиринта из переплетенных угольчатых крестиков, свастик. Это и значит: дом Секиры – дом Креста. <...> Между Крестом и Полом связь в христианстве разорвана, но между Секирой и Полом – уцелела в язычестве. Крест пола – двуострая Секира, – лучшего знаменья

выбрать нельзя для распятого Эроса: два на одном топорике лезвия, обращенные в разные стороны, – два пола в одном теле Андрогина» [2, с. 364–365], – вводит Мережковский религиозное измерение в понимание сущности феномена пола, указывая на предвечную метафизическую взаимосвязанность двух бытийных начал – *религиозности* и *гендерности*, не забывая и здесь об эмблематическом подходе к пониманию онтологической сущности мира, столь характерном для символизма. Мережковский полагает, что в каждом человеке имманентно присутствует и присуще ему как женское, так и мужское начало, поэтому каждый человек изначально и перманентно являет собой человека-андрогина, однако до сих пор только *потенциально*. В рамках нашей эмпирической действительности только один пол выражен и явлен в человеке, в то время как предвечная заданность человеческого существования состоит в экспликации двуполости – одновременного выявления и выражения в каждом отдельно взятом человеческом индивиду как мужской, так и женской составляющей. Суть и смысл половой любви, в то время как и ее сущность, состоят именно в таком рационально непостижимом соединении в каждом человеке пола имманентного и пола трансцендентного; уже имеющегося, актуально бытийного и того, что еще только предстоит обрести и достичь. Именно такое достижение своей трансцендентно недостающей гендерной половины и составляет необходимое условие для начала подлинной любви. В то же время «высшая точка любви – соединение не двух, а четырех половин: две половины одной личности хотят соединиться с двумя другой. Два существа – в трех измерениях, четыре – в четырех. Вот почему здесь, на земле, совершенное в любви соединение есть нечто невозможное, как бы надевание левой перчатки на правую руку: этого нельзя сделать в трех измерениях, можно – только в четырех» [2, с. 373]. Очевидная иррациональность и мистическая убежденность Мережковского тем не менее вполне рациональна, на что сам Мережковский неоднократно указывает. Важно подчеркнуть, что рациональное у него не просто отвлеченно-абстрактное признание

главенствующей роли разума, но критерий, позволяющий отличить истинное от ложного и случайного, а это, учитывая всю сложность стоящей перед нами задачи, оказывается весьма непросто. Что касается здравого смысла, то рациональное начало, по мнению Мережковского, словно некий фундамент, отправная точка необходим для правильного движения в деле поиска истины гендерного существа человека, однако одной лишь рациональности недостаточно для достижения искомой истины и здесь необходимо также нечто гораздо большее, непонятное, внерациональное, вне-разумное, в корне отличное от всего привычного и обыденного. «Каждый любящий – хотя бы только на миг, но мигом этим решаются вечные судьбы любви, – был или будет на тех рубежах, где кончается земная Евклидова геометрия пола и начинается – другая, неизвестная. <...> Там бродят два демона, два Близнеца – Самоубийство и Любовь; там носится Агдистис, „круглая молния“, готовая взорваться всесокрушающим взрывом Конца» [2, с. 376].

Философское учение Мережковского об андрогинах насквозь проникнуто эсхатологией, оно внутренне эсхатологично, корень же его и исток лежат также в эсхатологическом горизонте земной истории. Не случайно Мережковский постоянно говорит о Конце, Апокалипсисе и именно с этих позиций оценивает эмпирический мир, его структурные составляющие, как и его прошлое и настоящее: «Люди первого мира – „атланты““ в мифе Платона, „исполины“ в Книге Бытия – погибли от „разврата“; крайняя же степень разврата – Содом – поклонение образу Божественной двуполости, искаженному в дьявольском зеркале. Вот почему слова Марселя Пруста: „первое явление Женомужчин, потомков Содомлян, пощаженных небесным огнем“, звучат, как похоронный колокол, над второй Атлантидой – Европой. „Уже и секира при корне дерев лежит“, – Секира Двуострая. „Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь“, – огонь Конца, – вновь обращается Мережковский к евангельским текстам и по-своему их интерпретирует. – Пол и Личность – вот у каких корней лежит Секира. Как относятся друг к другу Личность и Пол?

Люди раз уже ответили на этот вопрос не так, как надо, и первый мир погиб; погибнет и второй, если люди ответят снова не так. Пол и Личность, значит: здешний, в трех измерениях пол, и нездешняя, в четвертом измерении, двуполость» [2, с. 377]. Суть мысли Мережковского состоит в следующем: именно на пути осознания каждым человеком себя как существа двуполого лежит начало его причастности подлинной личностной экзистенции. Двуполость есть неперемное свойство бытия божественного, переданное им также и человеку, однако в нашем мире, исполненном трагической противоречивости, осознание человеком имманентно заложенной в нем андрогинности, означает не только начало зарождения в нем подлинно личностного начала и подлинно божественной жизни, но и выявление со-присущей этому дару и взаимосвязанной с ним смертности эмпирически расколотого на две двуполые половины и космически одинокого человека-андрогина. «Только восстановленная в первичном, двуполом единстве, исцеленная, целая личность – Мужеженщина – будет снова закрыта для смерти, замкнута, совершенно

кругла, как Андрогинная сфера Платона, или „круглая молния“, „двуострая Секира“, тот „вращающийся меч Херувима“, flamma quails est fulguris, которым охраняется, по изгнании Адама из рая, путь к Древу Жизни» [2, с. 381–382], – намечает русский символист основы концептуального объяснения и понимания смерти, ее сущности и пути возможного ее преодоления, что с точки зрения все более внушительных успехов иммертологии не выглядит уже столь фантастически, а значит, нужно признать, действительно похоже на то, что такой третий завет в некотором смысле уже наступил, или, по меньшей мере, весьма близок. И та неограниченность и беспредельность свободы, взращенная постструктурализмом, как это ни странно, может иметь свои плюсы, сможет помочь разгадке тайны феномена человека – его предвечной гендерной полярности-единства в ее синергической взаимосвязанности с двуполостью божественной, и может быть, уже в самое ближайшее время. А наступление этого времени будет зависеть не только от успехов современной философской антропологии, но и от каждого из нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мережковский Д. С.* Павел I. Александр I. Большая Россия: драма для чтения. Роман. Эссе / сост., вст. статья О. Н. Михайлова. М.: Моск. Рабочий, 1989. 768 с.
2. *Мережковский Д. С.* Тайна Запада. Атлантида-Европа. М.: Эксмо, 2007. 672 с. (Антология мудрости).
3. *Русский Эрос, или Философия любви в России* / сост. и авт. вступ. ст. В. П. Шестаков; коммент. А. Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. 448 с.